

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ХРЕСТОМАТИЯ. Ч. 1-3. Сост. Г.С.Арефьева, М.И. Ананьева, А.С. Гарбузов. М.: Высшая школа, 1994.

Выпуск хрестоматии по социальной философии — результат работы над программой "Обновление гуманитарного образования в России", которая осуществляется международным фондом "Культурная инициатива" совместно с Комитетом по высшей школе России. Состав хрестоматии отражает "постперестроечные" изменения в тематике социально-философских исследований. В книгу включены фрагменты из сочинений выдающихся мыслителей, произведения которых до сих пор не входили в обязательный список учебной литературы.

Книга напоминает те дореволюционные отечественные и современные западные учебные издания, которые благодаря дружественному расположению к читателю, стремлению облегчить восприятие и понимание социально-философских идей вселяют уверенность в том, что доступен любой, даже самый сложный предмет. Отобранные тексты действительно просты, исключение — фрагменты работ О.Конта (их дореволюционный перевод оставляет желать лучшего) и, наверное, "непереводимый" Т.Парсонс. Для понимания текстов не требуется специальной философской подготовки — и это соответствует замыслу составителей хрестоматии. Читателю, привыкшему к советским учебникам, хрестоматия может показаться чересчур популяризаторской.

Раздел первый — о философских концепциях общества — включает в себя три параграфа. В первом параграфе содержатся тексты философов XVII — начала XIX веков, трактовавших общество как производное от естественных свойств индивида, объяснявших общественное целое исходя из качеств составляющих его частей. Эта "индивидуалистическая" линия резко обрывается на И.Бентаме, в более поздние времена составители, по-видимому, не смогли ее обнаружить.

По отобранным фрагментам можно проследить, как акцент был перенесен с этики, необходимость которой вытекает из констатации врожденного недоверия людей друг к другу (Гоббс), пагубных страстей (Вольтер), стремления к власти (Гельвеции) через социально-политическую бухгалтерию Бентама ("сведите баланс"), на проблематику социального контроля в рамках органических теорий общества, содержащихся во втором параграфе. Если учесть, что фрагменты работ трех из пяти "методологических индивидуалистов" включают высказывания о необходимости сильного государства, то кажется вполне логичным отсутствие в панораме философских идей отрывков из Локка и более поздних концепций либерального толка. Тогда, во-первых, социальная философия Просвещения, основанная на противопоставлении "естественного" состояния общественным институтам, выглядит более этицизированной, чем таковой является на самом деле. Во-вторых, получается, что именно эта сторона учений "философов-индивидуалистов" получила свое развитие в более поздние времена.

Заявленный принцип комплектования хрестоматии — "плюрализм идей" — полно реализуется в третьем параграфе "Психологические, антропологические, идеалистические и религиозные подходы к объяснению общества и его истории", где собрано уникальное созвездие таких мыслителей, как Руссо, Гольбах, Гегель, Фейербах, Энгельс, Маркс, Вебер, Зомбарт, Фрейд, Коллингвуд, Бердяев, Франк, Поппер.

Раздел второй посвящен теме исторических типов обществ и методологическим проблемам типизации. Сюда включен краткий фрагмент из классиков марксизма, где поясняется учение о трех формациях, и более обширные выдержки из книги Э.Дюркгейма "О разделении общественного труда" (по непонятным причинам составители используют одесское издание 1900 г.). Оставшаяся часть раздела посвящена описаниям индустриального, постиндустриального, информационного обществ.

Одна из острейших тем (в том числе и для современной западной социально-философской мысли) — судьбы традиционного общества в эпоху модернизации — представлена во фрагментах книги У.Ростоу "Стадии экономического развития". Суть вопроса исчерпывается замечанием о том, что структура традиционного общества "развита в рамках ограниченных производственных функций, основанных на доньютоновской науке и технике и на доньютоновском отношении к физическому миру" (4.1, с. 145). Разумеется, нельзя претендовать на то, чтобы в краткой хрестоматии охватить широкий круг вопросов. Однако, при явном стремлении составителей вернуть социальную философию, говоря словами Фейербаха, "из царства дум "усопших" в царство душ живых и телесных" (Ч.1,с.79) положительное освещение проблемы только

отечественными текстами XIX века явно недостаточно. С другой стороны, представление о том, что традиционные формы социальной регуляции являются отсталыми и преодолеваются в современных обществах, не учитывает новейших исследований, опровергающих этот взгляд.

Третий раздел посвящен описанию субъектов исторического процесса. Наряду с классическими для академического обществоведения трактовками сословий и классов в хрестоматии основательно представлены характеристики "массы" и ее исторической роли в "массовом обществе", дается представление о возможных версиях социальной стратификации. Следует отметить включение отрывков из работ В.Зомбарта "Пролетариат" и "Буржуа" (отрывки из второй книги помещены в другом разделе), русские переводы которых давно стали библиографической редкостью. Отдельный параграф посвящен роли выдающихся личностей в истории.

Если в первой части хрестоматии приоритет отдается введению в элементарные понятия социальной философии (и отчасти социологии), то во второй основное внимание концентрируется на рассмотрении широкого круга социальных проблем. Раздел о детерминантах общественного развития сбалансированно представлен "материалистами" и "идеалистами". Пожалуй, центральным здесь является фрагмент из недавно опубликованной на русском языке книги Р.Арона "Этапы развития социологической мысли", в котором составители увидели критику материализма (Ч.2, с.3). На самом же деле автор критикует постулирование однонаправленной причинно-следственной связи между переменными социального развития. Включение фрагмента Т.Адорно в параграф о технологической детерминации является иллюстрацией использования составителями "принципа контрапункта", не всегда оправданного с точки зрения "школьной", хрестоматийной рубрикации (например, помещение В.С.Соловьева в органицисты в первой части).

Эпиграфом к разделу о необходимости и вариативности в истории могло бы стать замечание Н.К.Михайловского о том, что "в разные времена в общем со знанием преобладает то одна, то другая из этих половин истины" (Ч.2, с.82). В раз деле о проблеме прогресса нашли отражение концепции "универсалистов" и "плюралистов", субъективное и объективное направления в разработке критериев прогресса, представлены сторонники линейной и циклической трактовок исторического процесса. В хронологическом плане показано, как на смену безоглядной оптимистической вере в неизбежность поступательного развития человечества пришла трезвая сдержанность.

Темы революции и эволюции раскрыты в седьмом разделе. В нем представлены диаметрально противоположные теоретические обоснования того, как следует "делать историю". Радикалов (Энгельса, Кропоткина, Бакунина) оспаривают сторонники общественных реформ (Дюркгейм, Сорокин, Рассел, Эллюль). При этом "ренегат" Каутский резонно замечает, что разница между реформой и революцией не в применении силы, поскольку "всякое юридическое и политическое мероприятие есть мероприятие насильственное, проводимое силой государства" (4.2, с.176). Подробно рассмотрена проблема насилия, соотношение целей и средств в "делании истории". Религиозно-этическая аргументация Л.Толстого и Достоевского спорит с действующим в этическом вакууме "Князем" (Макиавелли) и с воплощенной в государстве всеобщей волей (Гегель), с одной стороны, и противниками социального мира, с другой, видевшими в нем препятствие дальнейшему индустриальному развитию и призывавшими к силовым действиям буржуазию (Сорель) и пролетариат (Троцкий, Ленин).

Раздел завершается оценками "за" и "против" Октябрьской революции, оценками, по своему характеру (не по намерению авторов) тяготеющими к жанру памфлета, а не к социальной философии, за исключением, быть может, фрагментов И.А.Ильина. Это жанровое отклонение можно рассматривать как удачный методический ход: дать возможность студенту самостоятельно окинуть социально-философским взглядом исторический материал.

Заключительный раздел второй части хрестоматии посвящен роли культуры в развитии общества и специфике культурного и цивилизационного развития России. В данном разделе в концентрированном виде присутствуют наиболее спорные моменты, в той или иной степени характерные для рецензируемой хрестоматии в целом. Прежде всего с трудом прослеживается положенная в основу пособия концепция предмета социальной философии. Дело совсем не в том, что многие авторы не входят в число социальных философов *par excellence*: несомненно, что для подобного пособия важна не цеховая принадлежность, а содержащаяся в выбранных фрагментах топика. Можно

предположить, что составители понимают под социальной философией теоретический уровень всякой общественной дисциплины, в частности, истории, экономики, социологии, политологии. Именно самоограничение только "плюрализмом" и позволило в разделе о роли культуры в развитии общества абсолютно не затронуть проблему взаимодействия культуры и области собственно социального.

Подавляющее большинство включенных в хрестоматию текстов принадлежит важнейшему для становления социальной мысли периоду: второй половине XIX — первой половине XX века. Однако с тех пор в проблематике социальной философии произошли важные изменения, не нашедшие отражения в книге.

Несмотря на то, что в композиции издания просматривается ориентация на современную российскую проблематику, отечественная общественная мысль послевоенного периода представлена лишь фрагментами работ А.Д.Сахарова, Л.Н.Гумилева, А.Д.Ковалева и А.И.Солженицына. Сравнение со списком западных авторов, куда вошли Д. Лукач, Т.Парсонс, К.Поппер, У.Ростоу, Д.Белл, Ж.-М.Ферри, Дж.Гэлбрейт, Б.Барбер, А.Фарж, М.Бубер, напоминает читателю об извечном дефиците "пророков" в нашем отечестве.

О.А. ОБЕРЕМКО,
кандидат социологических наук